

УДК 323.27 : 141.82+27

Комлева Н.А.

*Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Российская Федерация*

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ СХИЗМЫ 1054 Г.

Аннотация. В статье утверждается, что политические практики российского социализма базируются как на теории марксизма, западной по происхождению, так и на культурном коде восточного христианства, глубоко укоренённом в социальной психологии русских, особенно крестьян. Ни одно мировоззрение и ни одна идеология, существующая на базе конкретного мировоззрения, не функционируют в обыденном сознании в своём полном объёме, они всегда редуцированы к одной–двум идеям, пригодным для практических повседневных нужд и для «неучёного ума». В православии такой редуцированной идеей является идея справедливости. Развитие русского капитализма постепенно, к рубежу 1890–1900-х гг., привело массовое сознание к выводу о коренной несправедливости существующего в России социального порядка – и он был кардинально изменён в результате социальной революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая схизма, Великая Октябрьская социалистическая революция, западное христианство, восточное христианство, «ленинский» социализм.

N. Komleva

*Ural Federal University named after the first president of Russia B.N. Yeltsin
19, Mira ul., Yekaterinburg 620002, Russian Federation*

THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION OF 1917 AS THE CONTINUATION OF THE GREAT SCHISM OF 1054

Abstract. The article stresses that the political practice of Russian socialism bases both on the theory of Marxism, which is western in its origin, and on the cultural code of Eastern Christianity, deeply rooted in the social psychology of the Russians, especially peasants. Not any outlook and not any ideology functions in ordinary consciousness in its entirety, but reduces to one or two ideas, suitable for practical everyday needs for the “unschooling mind”. In Orthodoxy such a reduced idea is the idea of justice. The development of Russian capitalism, by the turn of the 1890–1900s years, gradually led the mass consciousness to the conclusion that there was radical injustice in the existing social order– and it was radically changed in the process of the social revolution of 1917.

Key words: the Great schism, the Great October Socialist Revolution, Western Christianity, Eastern Christianity, "Lenin's" socialism.

Для автора данной статьи несомненно происхождение Великого Октября из факта Великой схизмы христианской конфессии и из последующего функционирования восточной ветви христианства в рамках русского социума, прежде всего его крестьянской составляющей. Однако с целью аргументации данного утверждения необходимо осуществить ряд логических умозаключений и статистических выкладок. Вначале определимся с понятиями.

ВЕЛИКАЯ СХИЗМА

«Схизма» в переводе с греческого означает «раскол», «разделение» [18].

Разделяются внутри себя, т. е. впадают в ситуацию схизмы, различные социальные институты: церкви (религиозные институты), государства, партии (политические институты), бизнес-структуры (экономические институты), творческие союзы (институты в сфере культуры) и т. п. Однако в современном дискурсе схизмой принято именовать лишь религиозную форму институционального разделения. В истории различных церквей, в том числе христианской церкви, схизмы (расколы) происходили довольно часто [18]. В настоящей статье будет рассматриваться *Великая схизма 1054 г.*, делящая до сих пор прочное разделение христианской церкви на западную и восточную её ветви, на римско-католическую и греко-православную конфессии. К Великой схизме 1054 г. вёл довольно долгий путь внутрицерковных противоречий и разногласий, проходящий через несколько «малых» схизм, да и сама по себе Великая схизма имеет два этапа своего развития, но в рамках статьи этот нарратив избыточен, и придётся полагать Великую схизму просто неподвижной точкой отсчёта, фиксированным событием истории.

Говоря чрезвычайно сжато, различия православия (Восточно-христианская церковь) и католицизма (Западно-христианская церковь) сводятся к следующему:

1. православие признаёт Дух святой исходящим только от Отца, а католическая – и от Сына равным образом;
2. загробный мир в православии состоит только из ада и рая, а католичество полагает существующим и некое преддверие рая, чистилище, где душа усопшего, не совершившего смертных грехов, но, тем не менее, определёнными грехами отягощённая, очищается от них и готовится войти в рай;

3. в католичестве существует «учение о запасе добрых дел», совершённых Христом, Богородицей и католическими святыми, и этот запас используется священниками для своеобразного «распределения» между грешившими верующими и отпущения им грехов (т. е. грехи верующего, разумеется, не смертные, могут быть «перекрыты» благими делами святых); искупление грехов может быть и буквальным – через покупку индульгенции (грамоты об искуплении грехов), при этом каждый грех имеет свой денежный эквивалент; практика покупки индульгенций существовала на Западе со Средних веков вплоть до XIX в.; в наше время индульгенций нет, но пожертвования на церковные нужды со стороны родственников могут помочь душе, попавшей в чистилище, быстрее перейти в рай;

4. католичество практикует особый культ Девы Марии, в качестве специальной совокупности обрядов отсутствующий в православии; католики верят, что Дева Мария по смерти вознеслась на небо не только душой, но и телом;

5. папа римский считается наместником Бога на земле, прямым преемником св. Петра. Существует специальный догмат о непогрешимости папы римского; вследствие этих качеств папа римский является главой всех христиан («католический» переводится с латыни как «вселенский»); в отличие от католицизма, в православии не существует единого управляющего центра;

6. в католицизме практикуется целибат, т. е. обязательное безбрачие всего духовенства; православие требует безбрачия только от «чёрного» духовенства, т. е. от монахов;

7. главная часть католических храмов обращена на Запад, а не на Восток, как в храмах православных, алтарь и совершаемые в нём таинства открыты для присутствующих на церковной службе, в православии – скрыты, в католических храмах преобладает скульптура, в православных – иконопись.

Однако эти различия – следствие, а не причина раскола 1054 г. Ги Меттан указывает на три основных причины: 1) «властолюбие Карла Великого» и последующих императоров Священной Римской империи; 2) «жажда наживы венецианских купцов»; 3) «желание пап установить свою абсолютную власть над всей церковью, в том числе и на Востоке» [9]. Говоря обобщённо, причиной была экономическая экспансия, требовавшая подкрепления и усиления политической и религиозной (идеологической) составляющей. После католических кондотьеров и конкистадоров (предводителей наёмных вооружённых отрядов) на неевропейские пространства всегда приходили католические миссионеры, а непосредственно вслед за ними – купцы католических стран Европы, ради бизнеса которых всё в конечном итоге

и происходило. Нельзя сказать, что православное миссионерство вовсе не существовало или что оно не применялось с целью продвижения бизнеса. Однако прямая зависимость между православием и светским предпринимательством всё же не была так ярко и ясно выражена, как в католичестве. Сам дух капитализма в католических и православных странах несколько различался: «Европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели» [1, с. 96].

С течением времени, вначале в период образования общенациональных рынков в странах Европы, а затем и в эпоху складывания общеевропейского капиталистического пространства, потребность в свободном движении капиталов, товаров, услуг и рабочей силы привела к идее ограничения вмешательства церкви в мирские дела – наступила эпоха Просвещения с её культом разума и антиклерикализмом. Чем же мешала церковь и – шире – христианство? Тем, что христианство ограничивало бизнес необходимостью заботиться о ближнем и не прибегать к обману и уловкам в торговых делах («не укради», «не лги»). В эпоху становления в Европе буржуазии как преобладающего класса общества, т. е. именно в XVII–XVIII вв., церковь и её заповеди становятся прямой помехой развитию капитализма и нейтрализуются Просвещением. На рубеже феодального и капиталистического этапов развития общества, в период колониальных захватов, католическая церковь была нужна и полезна своим освящением экономической экспансии. Но в период установившихся общенациональных рынков и появления потребности в межстрановом движении капиталов, товаров, услуг и рабочей силы христианские заповеди стали помехой. В настоящее время, в рамках тренда глобализации (функционирования глобального рынка), наблюдается глубокий кризис западного христианства, выражающийся как в пренебрежении массового сознания его заповедями и догматами, так и в переформатировании (профанации) его религиозных практик [7, с. 36–38].

В отличие от католичества, православие не знает Просвещения, исходящего изнутри общества. В Россию, со времён Ивана III Великого вставшую во главе православия после падения завоёванной турками Византии, идеи торжества Разума и ограничения социальных функций церкви приносятся извне, прежде всего Петром I, которому вначале нужны были европейские военные технологии, а вслед за ними неизбежно – европейски организованная промышленность и торговля, т. е. европейские формы капитализма.

Таким образом, говоря обобщённо, западная цивилизация использует христианство как инструмент освоения рынков, а восточное – как меру

жизни и деятельности (справедливо – несправедливо, соответствует заповедям Христа – не соответствует им). Иначе выражаясь, западное христианство – в меньшей степени католичество и в гораздо большей степени протестантизм – представляет собой рациональную сторону христианства, а православие – его эмоциональную часть («умное чувство» [17, с. 93]). Средствами религиозного дискурса западная цивилизация исследует «материальную часть» мира, чтобы понять законы её функционирования, а затем на этой основе освоить и использовать, преимущественно для получения материальных выгод, а православная – духовную составляющую мира для организации человеческого спасения («спасения души») в его коллективной и индивидуальной форме¹.

Ни одно мировоззрение и ни одна идеология, существующая на базе конкретного мировоззрения, не функционируют в обыденном сознании в своём полном объёме, они всегда редуцированы к одной-двум идеям, пригодным для практических повседневных нужд и для «неучёного ума». В католичестве и протестантизме основной идеей постепенно стали личная свобода и права личности – вначале для буржуа (свобода предпринимательства, свобода торговли), а затем, с течением исторического времени, для каждого человека (политические права, права меньшинств). В православии такой редуцированной идеей является идея справедливости. «По-божески» или «не по-божески», т. е. на нравственных или безнравственных началах, по справедливости или не по справедливости ведётся бизнес, осуществляется политическое управление, складываются межличностные отношения – вот что первостепенно для православного. А.Б. Чубайс отмечал: «В России „делать деньги“ никогда не станет национальной идеей, а менталитет русского предпринимателя никогда не будет американским. Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека» [16, с. 78]. Развитие русского капитализма постепенно, к рубежу 1890–1900-х гг. привело массовое сознание к выводу о коренной несправедливости существующего в России социального порядка – и он был кардинально изменён в результате социальной революции 1917 г.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция ныне именуется либо Великой российской революцией (по аналогии с Великой французской революцией), либо просто Русской революцией, либо – гораздо чаще – Октябрьским переворотом, но никогда – термином, утвердившимся в советской историографии в конце 1930-х гг. (к двадцатилетию события). При

¹ В данном случае цивилизационные типы определяются, исходя из дискурса С. Хантингтона [21].

этом временные рамки Великой российской революции полагаются гораздо более широкими, чем Великой Октябрьской социалистической революции. В этот термин умещаются Первая русская революция 1905–1907 гг., Февральская революция 1917 г., Великая Октябрьская социалистическая революция (с октября 1917 по 1921 гг.). Дело в том, полагает автор, что в историографической и политологической литературе нет чёткого определения понятий «переворот» и «революция», поэтому именование и толкование сущности и хронологических рамок вышеуказанных социальных преобразований меняется в зависимости от политической конъюнктуры. Рискнём предложить своё определение данных понятий.

Социальные революции и перевороты относятся к классу социальных преобразований и представляют собой подкласс насильственных социальных преобразований, соседствуя в рамках данного класса с преобразованиями ненасильственными (реформами). Революции и реформы имеют идентичное или схожее содержание, но различаются методами осуществления.

По содержанию (цели, способы осуществления, масштаб социальных преобразований) насильственные преобразования подразделяются на дворцовые перевороты, государственные перевороты и революции [5, с. 49–51]. *Дворцовый переворот* – это насильственная смена главы государства с целью изменения политического курса данного государства. *Государственный переворот* – насильственное изменение социального состава, структуры и функций всех трёх ветвей государственной власти, осуществляемое с целью получения абсолютного контроля над данным социумом. *Социальная революция* – это насильственная смена всей системы общественных отношений: доминирующей формы собственности, преобладающего способа экономического и политического регулирования, политической системы в совокупности всех её основных элементов, официальной идеологии, основных форм повседневного быта. Цель социальной революции – переход социума на иной проект социального развития.

Дворцовый и государственный перевороты входят как составные части в объём социальной революции. Актором дворцового и государственного переворотов является определённая часть политической элиты данного общества, но актор социальной революции сложнее – это часть контрэлиты и большая часть народа¹ страны.

Те же самые содержание и масштаб имеют, соответственно, косметические, структурные и системные реформы, которые, как было сказано, осуществляются в основном без применения физического насилия.

¹ Народ определяется нами как совокупность людей, производящих материальные и/или духовные блага.

В течение нескольких десятилетий после событий октября 1917 г. в России были осуществлены именно революционные преобразования: установление монополии общественной собственности на основные средства производства вместо собственности частной, переход к централизованному планированию экономического развития и централизованному распределению основных средств производства вместо рыночного регулирования, унификация институтов политической системы в соответствии с марксистско-ленинскими представлениями о государстве и гражданском обществе на первом этапе развития коммунизма вместо определённой степени политического плюрализма (плюрализм был разрешён царским Манифестом 17 октября 1905 г.), монопольное положение коммунистической идеологии в сфере общественного сознания вместо преобладания идеологии либеральной (после Февральской революции 1917 г.), преобразование сфер труда и быта на принципах полного равенства социальных слоёв. Эта революция была социалистической, поскольку проводила в жизнь представления о социализме, первом этапе коммунистического общества, изложенные в трудах классиков марксизма-ленинизма: сочетание общественной и частной собственности с постепенным вытеснением последней, государство в форме диктатуры пролетариата, сведение гражданского общества к нескольким лояльным коммунистической идеологии институтам, постепенное вытеснение из общественного сознания всех некоммунистических форм идеологии, общеобязательный характер труда, распределение произведённого продукта по количеству и качеству труда, затраченного работником на его производство (никогда не выполнялось в абсолютной форме), социальное равенство мужчин и женщин, равенство всех слоёв в получении социальных благ (политических прав, образования, медицинского обслуживания, жилья). В политических правах, согласно Конституции 1918 г., имелись изъятия – прав лишались представители бывших эксплуататорских классов [6, гл. 4, п. 7; 6, гл. 5, п. 23]; последующие Конституции таких изъятий не содержали.

Всякий процесс заканчивается тогда, когда иссякает его первоначальная энергетика, а задачи, сформулированные его основным актором, реализуются в полной мере. Великая Октябрьская социалистическая революция не завершилась, как обычно считается, к 1921 г., её цели и задачи были полностью реализованы только в начале 1960-х гг. [7, с. 124] (надо учесть при этом, что процесс прерывался Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.).

Итак, события русской истории, начавшиеся 25 октября 1917 г. (ст. ст.), являются социальной революцией, а не дворцовым или государственным переворотом. Причём Октябрьская революция носила именно социалистический характер.

Каким же образом Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. является продолжением и воплощением внутрехристианской Великой схизмы 1054 г.?

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917 Г. В РОССИИ

Заметим, что события 12–22 марта 1917 г. (н. ст.), обычно называемые Февральской революцией, согласно приведённой выше классификации являются государственным переворотом. Тем не менее Февральский переворот был попыткой установить в России политическое господство русской буржуазии, т. е. решить задачу, подобную той, которая была решена в ходе буржуазных революций в Европе: Нидерландской, Английской и Великой французской революции. Попытка продолжалась, как известно, до 7 ноября 1917 г. (н. ст.), т. е. немногим более полугода, когда была более чем на 70 лет прервана Великой Октябрьской социалистической революцией, установившей не только политическое, но также экономическое и идеологическое господство «четвёртого сословия» России, т. е. крестьянства и рабочего класса, при активнейшем посредничестве и политическом лидерстве разночинной интеллигенции (прежде всего так называемых профессиональных революционеров). Отчего же в России Февральский переворот не перерос в Февральскую буржуазную революцию? Основная причина в том, что буржуазному строю не было опоры в массовом сознании (подробнее см.: [3]). Напомним, что, согласно переписи населения 1897 г., крестьянство составляло 77,5% из 125 640 021 чел. населения страны, казаки (с определённой долей условности их также можно отнести к крестьянству) – 2,3%, а мещане (к ним относились и рабочие) – 10,7 %. При этом доля купцов составляла 0,2%, почётных граждан (богатые купцы) – 0,3%, дворян – 1,5%, духовенства – 0,5% [14]. Разумеется, русскими по этнической принадлежности и православными по вероисповеданию были не все 80% крестьянского населения Российской империи. Русских в стране было 65,5%, а православных – больше, 69,9%. Однако львиную долю русских и православных составляли именно крестьяне.

Климат и почвы Русской равнины не способствовали развитию парцеллы, но требовали общинной формы земледелия. Крестьянская община почти в неизменной форме сохранялась вплоть до первых десятилетий прошлого века: земля общинная; дом крестьянина, поскольку стоит на общинной земле – также общинная собственность; обрабатываемая земля делилась на «полоски», преимущественно «по душам» (т. е. по количеству мужчин в семье), и переделывалась регулярно «по справедливости»; сроки и порядок сельскохозяйственных работ устанавливались общиной как еди-

ные для всех; существовало самоуправление внутри общины через выборных старост и «мирские сходы»; помощь в чрезвычайных ситуациях носила коллективный характер и оказывалась «всем миром»; рекрутская и налоговая повинности выполнялись по принципу «круговой поруки»; община частично исполняла и судебные функции. Где же здесь место капиталистическому индивидуализму и буржуазному сознанию как таковому – у большинства населения страны? А.И. Герцен, Н.П. Огарёв, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов – основатели так называемого крестьянского социализма (другое название «общинный социализм») – считали крестьянскую общину «зародышем социализма» в России. В социальном устройстве русской общины, в том числе, видно и влияние православия с его редуцированной идеей справедливости. «Российское сознание расходится с западным в трактовке свободы и справедливости. На Западе... справедливость является синонимом законности. В России... справедливость – равенство для всех и сильное патерналистское государство» [11, с. 298].

Марксизм в форме ленинизма коррелировал с общинным сознанием крестьянства, т. е. большинства православного населения России¹: в социалистическом обществе собственность на средства производства принадлежит всему социуму; труд носит общественный характер, т. е. всякий трудоспособный обязан трудиться, а «не трудящийся да не ест»; труд носит высокомеханизированный характер и не занимает более 6–8 часов в день, а остальное время человек посвящает свободному развитию личных талантов и способностей; распределение произведённого продукта осуществляется «по количеству и качеству труда», как в крестьянской общине; государство как орган насилия постепенно «отомрёт», заменившись общественным самоуправлением (каждый будет участвовать в управлении обществом); классы постепенно исчезнут, общество станет однородным; различия города и деревни также сотрутся, быт станет удобным и приятным. А.С. Панарин проницательно заметил, что после своей победы над советским социализмом «цивилизованный Запад» открыл «русское национальное подполье», исподволь питавшее социалистический строй «потенциалом скрытой общинности» [13, с. 754], т. е. совпадение коммунистического этоса советского типа с русским народным этосом как таковым [13, с. 756].

«Объективная сущность большевистского проекта была в том, что Россия нуждалась в развитой промышленной инфраструктуре, но без капитализма, нуждалась в урбанизации, но без буржуазности, нуждалась в

¹ Само русское слово «крестьянин» («хрестьянин») является изменённым «христианин», в то время как ни в английском “peasant”, ни во французском “le paysan”, ни в немецком “Bauer”, ни в испанском “el campesino”, ни в итальянском “il contadino” никакой религиозной коннотации нет, но лишь обозначение локуса проживания («сельский житель»).

повышении материального благосостояния социума, но без неравенства в распределении основных благ. ... И победа большевиков была предопределена прежде всего спецификой их социально-экономического учения, «ленинским» марксизмом, разработанным для анализа монополистического капитализма. Ленинизм исходил из того, что монополизм предполагает такую концентрацию производства и столь высокоорганизованные формы рационального хозяйствования, что задача социализма сводится к изменению формы собственности и целеполагания этой индустриальной системы с прибыли буржуазии на благосостояние всей нации» [16, с. 104]. «Благосостояние всей нации», несомненно, гораздо ближе к идеалу общества, устроенного по православным христианским канонам, нежели к обществу капиталистического социального неравенства.

С целью реализации наиболее востребованного в русском обществе принципа социальной справедливости «ленинский» социализм просто «снял», т. е. ликвидировал, три основных разделительных фактора социума:

1) *социальное неравенство*, или вертикальный принцип построения социума – путём ликвидации «эксплуататорских классов» (доминирование общественной собственности на средства производства, сведение частной собственности к незначительной доле в структуре экономики) и создания общества трёхчленной горизонтальной социальной структуры: рабочие, крестьяне, интеллектуалы (в официальных документах интеллектуалы получили название «служащие»); тем самым реализовался такой принцип социализма (и крестьянской русской общины), как всеобщность труда («не трудящийся да не ест» [4: 3, 10]);

«Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть Землёй имеем право,
Но паразиты - никогда!» [20].

2) *межконфессиональные конфликты* – путём введения атеизма как господствующей формы отношения к Абсолюту и маргинализации религиозных конфессий; доминирование атеизма противоречит православию как таковому, но само по себе состояние социального спокойствия и «тишины невлаемой», социальной бесконфликтности является одной из сторон редуцированного православного принципа социальной справедливости («призвание христианского Востока – представлять спокойный стасис Божественной вечности среди бурь и напастей времени» [15]); Н. Бердяев полагал, впрочем, что «сам русский атеизм религиозен» [1, с. 26], поскольку его приверженцы «стремятся к абсолютному», а некоторые современные нам авторы определяют русский советский атеизм как форму «светской религии» [7; 16];

3) *социальные различия между этносами и межэтнические конфликты* – через пропаганду и социальные практики «пролетарского интернационализма» («рабочие не имеют отечества» [8, с. 53], «пролетарии всех стран, соединяйтесь» [8, с. 71]); главное – не «кровь и почва», а труд, всеобщий, равный по своим условиям и принципу распределения произведённого продукта «по количеству и качеству труда». «Западное сознание рассматривает конкуренцию, конфликт как определённую ценность. Для российского сознания ценностью была скорее бесконфликтность. ... Русская деревня не знала института частной крестьянской, индивидуальной или семейно-дворовой собственности на землю. Земля воспринималась как принадлежащая Господу, а не человеку. ... Даже спасение виделось как коллективное, а не индивидуальное» [11, с. 297, 298].

Говоря языком метафор, Россия, трудами Петра Первого насильственно переведённая на западный берег океана христианской цивилизации, в октябре 1917 г. вновь перепрыгнула на восточный берег, к ценностям и социальным практикам византийского православия, сохранившимся глубоко внутри цивилизационного кода русского народа. Противостояние двух систем, капиталистической и социалистической, называемое ещё противостоянием Запада и Востока, являлось борьбой альтернативных социальных проектов, каждый из которых основывался на ценностях христианства, но по-разному понимаемых и воплощаемых. Конечно, «Карл Маркс был западным мыслителем, который формулировал свои идеи на основе опыта революционной Франции и писал свои работы в Британском музее» [11, с. 81], но русское православное сознание – и на уровне социальной психологии, прежде всего психологии крестьянства, и на уровне политической теории – «подстроило» эту западную концепцию под реалии и потребности русской социальной жизни, как японское сознание подстроило западный капитализм под потребности развития Японии (доктрина и политические практики так называемой «революции Мэйдзи»), а турецкое – под потребности развития Турции («доктрина младотурок» и реформы К. Ататюрка). «Когда от слова “Россия” отказались, оно не заметило этого и продолжало свою историю вместе с существом, которое за ним стоит. Когда ему было приписано условное идеологическое значение, оно продолжало неофициально жить с видоизменившимся смыслом» [2, с. 183, 184].

Распад СССР и мировой системы социализма, маргинализация доктрины и социально-политических практик «ленинского» социализма являются свидетельством исторического поражения «политического византизма», в том числе в форме глобального проекта, альтернативного западному. Это надо признать. Таким образом, почти через тысячу лет после Великой схизмы западное христианство в форме капиталистического глобализма

одержало победу над восточным. Но остаётся вопрос: является ли эта победа «концом истории» восточного христианства и «политического византизма» или это лишь временное отступление, за которым – переформатирование православного проекта функционирования социума¹. По убеждению А.С. Панарина, «неизменно случалось так, что земная, казавшаяся несокрушимой сила, утратив духовные импульсы и моральную легитимность, связанную с идеей справедливости, терпела поражение от своих казавшихся заведомо более слабыми противников, если выступление последних носило печать великой альтернативной идеи. ... Для этого требуется не физическое могущество, а духовная оснащённость, опирающаяся на тысячелетнюю традицию. ... И чем более консолидированно выступают западные страны, сообщая пожинающие плоды победы в холодной войне, тем неотвратимее становится ответная консолидация Востока» [12, с. 279–281].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. Судьба России. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 416 с.
2. Библихин В. Мир. Язык философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
3. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 288 с.
4. Второе послание к Фессалоникийцам (Солуньянам) святого апостола Павла // Электронная библиотека ModernLib.Ru. URL:http://modernlib.ru/books/zavet_noviy/poslaniya_apostolov/zavet (дата обращения: 26.03.2017).
5. Комлева Н.А. Основы политологии. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. 236 с.
6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10.07.1918 г.) (прекратила действие) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/4/#block_1400 (дата обращения: 26.03.2017).
7. Куликов Д., Сергейцев Т., Валитов И. Судьба империи. Русский взгляд на европейскую цивилизацию. М.: Издательство «Э», 2016. 480 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 72 с.
9. Меттан Г. Запад – Россия: Тысячелетняя война / пер. М. Аннинской, С. Булгаковой. М.: Паулсен, 2016. 464 с.
10. Михалков Н.С. Право и Правда. Манифест просвещённого консерватизма. М.: Эксмо, 2017. 96 с.
11. Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М.: Издательство «Э», 2015. 672 с.
12. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.

¹ Подробное изложение концепта нового глобального православного политического проекта см.: [7; 10]

13. Панарин А.С. Православная цивилизация / сост., предисл. В.Н. Расторгуева; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
14. Перепись населения Российской империи 1897 г. [Электронный ресурс] // Мир знаний: [сайт]. URL: <http://mirznanii.com/a/342400/perepis-naseleniya-rossiyskoj-imperii-1897> (дата обращения: 21.03.2017).
15. Помазанский М.И., протопресв. О взгляде Православной Церкви на ответственность [Электронный ресурс] // Азбука веры: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Pomazanskij/o-vzglyade-pravoslavnoj-tserkvi-na-sobstvennost/ (дата обращения: 21.03.2017).
16. Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза, 2008. 864 с.
17. Св. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолствующих. М.: Канон, 1996. 383 с.
18. Схизма [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/14648> (дата обращения: 11.04.2017).
19. Схизма [Электронный ресурс] // Азбука веры : [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/sxizma> (дата обращения: 11.04.2017).
20. Текст и перевод песни «Интернационал» : на русском языке [Электронный ресурс] // Тексты и переводы песен: [сайт]. URL: <http://song-translate.ru/?type=song&lyrics=1ece2d> (дата обращения: 19.03.2017).
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеевой. М.: АСТ, 2015. 571 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 416 p.
2. Bibikhin V. *Mir. Yazyk filosofii* [The world. The language of philosophy]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 448 p.
3. Bokhanov A.N. *Sumerki monarkhii* [Twilight of the monarchy]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1993. 288 p.
4. [The second Epistle to the Thessalonians (Thessalonians) the Holy Apostle Paul]. In: *Elektronnaya biblioteka ModernLib.Ru* [Electronic library ModernLib.Ru]. Available at: http://modernlib.ru/books/zavet_noviy/poslaniya_apostolov/read (accessed: 26.03.2017).
5. Komleva N.A. *Osnovy politologii* [The basics of political science]. Ekaterinburg, Ural University Publishing, 2006. 236 p.
6. [Constitution (fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the fifth all-Russian Congress of the Soviets in meeting of 10.07.1918) (terminated)]. In: *Sait Konstitutsii Rossijskoi Federatsii* [The Website of the Constitution of the Russian Federation]. Available at: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/4/#block_1400 (accessed: 26.03.2017).
7. Kulikov D., Sergeitsev T., Valitov I. *Sud'ba imperii. Russki i vzglyad na evropejskuyu tsivilizatsiyu* [The fate of the Empire. Russian view on the European civilization]. Moscow, Izdatel'stvo «E» Publ., 2016. 480 p.

8. Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoi partii* [The Communist Manifesto]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1950. 72 p.

9. Mettan G. *Zapad – Rossiya: tysyacheletnyaya voina* [West – Russia: the war lasting a thousand years]. Moscow, Paulsen Publ., 2016. 464 p.

10. Mikhalkov N.S. *Pravo i Pravda. Manifest prosveshchennogokonservatizma* [Right and True. Manifesto of the enlightened conservatism]. Moscow, Eksmo Publ., 2017. 96 p.

11. Nikonov V.A. *Kod tsivilizatsii. Chto zhdet Rossiyu v mire budushchego?* [The code of civilization. What awaits Russia in the future world?]. Moscow, Izdatel'stvo «E» Publ., 2015. 672 p.

12. Panarin A.S. *Pravda zheleznogo zanavesa* [The truth of the iron curtain]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 336 p.

13. Panarin A.S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [Orthodox civilization]. Moscow, Russian Civilization Institute Publ., 2014. 1248 p.

14. [Census of the Russian Empire in 1897]. In: *Mir znanii* [The world of knowledge]. Available at: <http://mirznanii.com/a/342400/perepis-naseleniya-rossiyskoy-imperii-1897> (accessed: 21.03.2017).

15. Pomazansky M.I., protopresv. [The view of the Orthodox Church on the property]. In: *Azbuka very* [The ABCs of the faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Pomazanskij/o-vzglyade-pravoslavnoj-tserkvi-na-sobstvennost (accessed: 21.03.2017).

16. Kobjakov A.B., Aver'janov V.V., eds. *Russkaya doktrina (Sergievskii projekt)* [Russian doctrine (Sergius project)]. Moscow, Yauza Publ., 2008. 864 p.

17. Gregory Palamas, prel. *Triady v zashchitu svyashchennobezmolstvuyushchikh* [The triads in defense of sacred-keeping-silent]. Moscow, Kanon Publ., 1996. 383 p.

18. [Schism]. In: *Akademik. Slovarei entsiklopedii na Akademike* [Academician. Dictionaries and encyclopedias on the Academician]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/14648> (accessed: 11.04.2017).

19. [Schism]. In: *Azbuka very* [The ABCs of faith]. Available at: <https://azbyka.ru/sxizma> (accessed: 11.04.2017).

20. [Text and translation of the song “The Internationale”]. In: *Teksty i perevody pesen* [Texts and translations of songs]. Available at: <http://song-translate.ru/?type=song&lyrics=1ece2d> (accessed: 19.03.2017).

21. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2015. 571 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Комлева Наталья Александровна – доктор политических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина, e-mail: komleva1@yandex.ru

Natalya A. Komleva – Doctor in Political sciences, honorable worker of higher education of the Russian Federation, professor at the Department of the Theory and history of political science, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin; e-mail: komleva1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Комлева Н.А. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. как продолжение великой схизмы 1054 г. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Komleva N.A. The Great October socialist revolution of 1917 as the continuation of the great schism of 1054. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru